

Генеалогия и политическая история России эпохи Романовых

Все исторические закономерности проявляются через деятельность людей, а каждый человек находится в системе сложных родственных отношений и является носителем конкретной генеалогической культуры, занимающей в менталитете любой эпохи чрезвычайно важное место. Этим определяется то влияние, которое оказывали семейные связи на события прошлого, часто определяя мотивацию поступков и убеждения людей.

Генеалогия дает ценную информацию для большинства областей исторической науки. При анализе политических процессов особый интерес представляют родственные связи правивших семей. Их изучение помогает понять механизмы наследования власти, причины заключения союзов и формирования группировок, выбор приоритетных направлений политического курса, истинную подоплеку дворцовых переворотов и смены династий. Большое политическое значение имели браки монархов, они могли привести к военным конфликтам, созданию национальных государств, внутренним реформам.

С генеалогическими факторами связаны также социальные аспекты политических реалий прошлого. Положение человека в обществе, его права, привилегии, обязанности, круг возможных должностей и чинов были обусловлены принадлежностью к конкретному роду. В древности, Средние века и Новое время социум имел сложную структуру и представлял собой разветвленную иерархическую систему. Родство при таком многообразии выполняло регулирующие функции, определяя статус каждой из групп населения.

Все перечисленные закономерности ярко проявились в эпоху правления Романовых. Избранию Михаила Романова на царство способствовали близкие связи с угасшей династией Рюриковичей через первую жену Ивана Грозного Анастасию Романовну Захарьину-Юрьеву. Новому монарху она доводилась двоюродной бабкой. Утверждение на престоле Романовых повысило социальное положение и усилило политическое влияние семей, находившихся с ними в близком и дальнем родстве. Известно, что получение в 1614 г. мало заметным до того Константином Ивановичем Михалковым видного чин постельничего объяснялось его генеалогической связью с Михаилом Федоровичем, приходившимся ему четвероюродным братом по женской линии¹.

Родственные отношения обуславливали возникновение придворных кланов, которые определяли направления государственной политики. Конечно, причины формирования этих группировок нельзя сводить только к генеалогическим связям. Вся аристократия находилась в каких-либо степенях родства между собой, и границы конкретного клана не были четкими.

Генезису политических группировок в России XVII вв. способствовала брачная политика Романовых. В отличие от многих европейских династий они заключали супружеские союзы не с представительницами равных им по статусу семей, а выбирали жен из среды русской аристократии. Эта традиция сложилась в XVI в. и возникла из-за международной изоляции страны, нежелания западных монархов родниться с русской династией, жестких конфессиональных требований к супругам.

¹ Мятлев Н.В. Родословные заметки //Летопись Историко-родословного общества в Москве. 1907. Вып.4. С. 10 – 13.

Нельзя сказать, что правители России не стремились к установлению матримониальных связей с Европой, ясно понимая политические выгоды подобных союзов. Еще Иван IV, нуждаясь в дипломатических преимуществах в ходе Ливонской войны, просил в 1560 г. у польского короля Сигизмунда II Августа руки одной из его сестер, но брак не состоялся. В начале правления Романовы также предприняли попытки упрочить свое политическое положение и продемонстрировать легитимность полученной власти путем заключения супружеских союзов с западными монархами. Однако усилия женить Михаила Федоровича на датской или шведской принцессах, а затем выдать замуж его дочь Ирину за сына короля Дании Кристиана IV Вольдемара-Кристиана (для чего Москву в 1644 – 1645 гг. посетило посольство во главе с претендентом) закончились безрезультатно. Основным препятствием стал вопрос о конфессии, так как русский обычай допускал браки только с православными и требовал от жениха обязательной смены вероисповедания². Эти неудачи способствовали формированию традиции избирать невесту для царя из подданных, что к XVII в. уже санкционировалось опытом предыдущих правителей страны.

В условиях многочисленности возможных вариантов выбор невесты оказывался важнейшим политическим событием и сопровождался острым соперничеством, поскольку каждый брачный союз приводил к власти новую, консолидированную генеалогически группировку.

Одним из первых проявлений борьбы за родство с Романовыми явилось дело о женитьбе Михаила Федоровича на Марии Ивановне Хлоповой³. В 1616 г. царь выбрал ее в жены, но противники свадьбы, используя все возможные средства, вплоть до клеветы, подкупа и ядов, устранили негодную претендентку. Интригу начали Б.М. и М.М. Салтыковы, которые были наказаны за нее ссылкой. Однако цели своей они добились, и Михаил Федорович заключил брак с их троюродной сестрой княжной Марией Владимировной Долгоруковой. Салтыковым оказывала поддержку мать царя, «великая старица» Марфа Ивановна, которой они доводились троюродными племянниками⁴. Длившееся всего три с половиной месяца супружество не принесло Салтыковым выгод, с них даже не была снята опала.

Более удачно сложилась политическая судьба Стрешневых, породнившихся с Романовыми в 1626 г. благодаря союзу Евдокии Лукьяновны Стрешневой и Михаила Федоровича, который оказался очень счастливым и удачным.

Еще более напряженная политическая борьба сопровождала браки Алексея Михайловича. В 1647 г. он выбрал в супруги дочь касимовского помещика Евфимию Федоровну Всеволожскую, но вскоре возник слух о ее тяжелой болезни, поскольку на одной из церемоний невесте стало плохо. Несостоявшаяся царица вместе с семьей была сослана в Сибирь. Стоявший за этими интригами боярин Б.И. Морозов предложил новую кандидатуру в невесты – Марию Ильиничну Милославскую, на сестре которой Анне женился сам вскоре после царской свадьбы, став, таким образом, монарху свояком.

² Подробнее см.: Два сватовства иноземных принцев к русским великим князям в XVII столетии // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1867. Кн. 4.

³ См.: Мятлев Н.В. К родословию Нагих // Известия Русского генеалогического общества. 1911. Вып. 4. Отд. 1. С. 71 – 91.

⁴ См.: [Чулков Н.П.] Заметка // Летопись Историко-родословного общества в Москве. 1907. Вып. 2. С. 47; Мятлев Н.В. Родословные заметки // Там же. Вып. 4. С. 16; Щербачев О.В. О родстве Салтыковых с Михаилом Федоровичем Романовым // Там же. 1995. Вып. 3 (47). С. 62 – 66.

При выборе второй жены Алексея Михайловича, происходило противостояние между Натальей Кирилловной Нарышкиной, которую поддерживал царский фаворит боярин А.С. Матвеев, и Авдотьей Беляевой, связанной с другими кругами московской знати (видимо, с князьями Голицыными)⁵. В ход пошли уже испытанные способы дискредитации конкурентов (в частности, подметные письма), в результате которых А. Беляева была удалена из числа кандидаток. Брак с Н.К. Нарышкиной привел к противостоянию ее близких и родственников первой жены царя Милославских. В начале 1670-х гг. Нарышкиным удалось оттеснить соперников, но при царе Федоре Алексеевиче, сыне М.И. Милославской, ситуация принципиально изменилась. Нарышкины и А.С. Матвеев попали в опалу и оказались в ссылке. Борьба двух придворных группировок, члены которых находились между собой в ближайшем родстве, фактически определяла ситуацию при царском дворе в 1670 – 1680-е гг.

Политические последствия супружеских союзов были многообразны. Они приводили к усилению влияния новых царских родственников. Причем надо учитывать, что в XVII в. понятие родства трактовалось гораздо шире, чем в настоящее время, и включало значительное количество персон. Например, благодаря браку Алексея Михайловича и М.И. Милославской в числе царских свойственников оказались Морозовы, Ртищевы, Соковнины, Хитрово, князья Урусовы, князья Хилковы. Распределение родственников монарха по высшим должностям в аппарате управления, наследование государственных постов членами одной семьи позволяли клану проводить определенную политику и влиять на принятие принципиальных решений.

Генеалогическая культура русского общества XVII в. не предполагала мужского и женского равноправия в сфере брака. В отличие от царевичей женщины из династии Романовых не могли заключить союз с лицом более низкого социального статуса. При невозможности выйти замуж за иностранца из-за различий в вере они были обречены на безбрачие. Ни одна из дочерей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича (а до необходимого возраста их дожило 10) не имела мужа. Подобная ситуация препятствовала расширению круга царских родственников, и такое ограничение следует признать обоснованным с точки зрения государственных интересов. В противном случае политическая борьба могла бы оказаться еще более ожесточенной и нанести весомый ущерб системе управления страной.

Желание оказаться в числе родственников монарха в XVII в. могло приводить к явным уголовным преступлениям. Чтобы воспрепятствовать женитьбе царя Федора Алексеевича на грузинской княжне Давыдовой, недоброжелатели обезобразили лицо претендентки, бросив в него «яд», чем и расстроили свадьбу⁶. С другой стороны, попытка породниться с династией могла рассматриваться как государственное преступление. Во время «Хованщины» в 1682 г. князю А.И. Хованскому поставили в вину то, что он при помощи брака с царевной Екатериной Алексеевной (дочерью Алексея Михайловича) намеревался захватить престол.

Выявление состава и степени родства царских свойственников позволяет более объективно оценивать причины и следствия исторических событий, но, несмотря на усилия, которые предпринимались в этой области, генеалогические связи Романовых по женским линиям в XVI – XVII вв. остаются не полностью выясненными. В частности, в современной историографии не упоминается фамилия матери царицы М.И.

⁵ Седов П.В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 114 – 118.

⁶ Седов П.В. Указ. соч. С. 327 – 328.

Милославской Ксении Ивановны, хотя еще в 1920-е гг. В.С. Арсеньев установил, что она принадлежала к роду князей Хилковых⁷. Такое обстоятельство убедительно объясняет большое доверие, которым пользовалась эта семья у монархов, и ее принадлежность к могущественному клану Морозовых-Ртищевых-Хитрово-Милославских. В середине XVII в. князья Хилковы входили в число 16 семей, жаловавшихся в боярство прямо, минуя звание окольничего.

До настоящего времени спорным остается вопрос о происхождении матери Е.Л. Стрешневой Анны Константиновны. Архимандрит Леонид считал, что она была урожденной княжной Волконской, но с критикой его точки зрения выступил Д.Ф. Кобеко, который выдвинул гипотезу, что мать царицы происходила из семьи Юшковых⁸.

Последствия браков, заключенных в XVII в., оказывали влияние на политическую ситуацию в течение длительного времени. Так, по словам князя П.В. Долгорукова, С.А. Салтыков после восшествия на престол Анны Иоанновны, «его очень отдаленной родственницы (в шестом колене)», «стал одним из руководителей той партии, которая не желала никаких уступок, никакого ограничения императорской власти, намериваясь поддерживать и поддерживала абсолютизм в его наинеограниченной форме»⁹. Эта группировка воспротивилась попыткам части аристократии навязать новой императрице условия, ущемлявшие ее самодержавные права.

Изменение матримониальной традиции произошло при Петре I, который, стремясь к европеизации страны, отказался от прежней брачной политики. Он упразднил обычай заключать браки между Романовыми и их подданными, предпочитая последним правящие семьи из Европы, разрешил выходить замуж женщинам и занял гибкую позицию в вопросе о вероисповедании претендентов. Супружество стало рассматриваться как немаловажный резерв расширения влияния в Европе, способ налаживания союзнических отношений и повышения международного статуса России.

Первым проявлением новой стратегии стал брак племянницы Петра, будущей императрицы Анны Иоанновны. В 1710 г. она вышла замуж за герцога курляндского и семигальского Фридриха-Вильгельма, доводившегося племянником прусскому королю Фридриху I, отношения с которым имели принципиальное значение в ходе Северной войны. Это событие явилось прорывом во внешней политике и ознаменовало преодоление династической изоляции Романовых. Другая племянница монарха – Екатерина Иоанновна – стала в 1716 г. женой герцога мекленбург-шверинского Карла-Леопольда. В этом браке решающее значение имело стремление втянуть Мекленбург в сферу политических интересов России и упрочить ее положение в Балтийском регионе. О большой заинтересованности в союзе свидетельствует то, что в угоду дипломатическим задачам был толерантно разрешен вопрос о конфессиональной принадлежности. Супруги сохранили свои вероисповедания: Карл-Леопольд – лютеранское, а Екатерина Иоанновна – православное. Венчание готовилось вместе с текстом союзного договора между двумя странами, подписанного в день венчания и налагавшего на Россию обязанность передать Мекленбургу некоторые территории,

⁷ Арсеньев В.С. Дополнение к статье «Историко-родословное общество в Москве после революции» // Новик. 1934. № 3. С. 32. Подробнее см.: Наумов О.Н., Хилков Б.М. История рода князей Хилковых. Екатеринбург, 2008.

⁸ Кобеко Д.Ф. Мать царицы Евдокии Лукьяновны Стрешневой // Известия Русского генеалогического общества. 1909. Вып. 3. Отд. 1. С. 61 – 66.

⁹ Записки князя Петра Долгорукова. СПб., 2007. С. 173.

которые находились под властью шведов. Брак царевича Алексея Петровича с брауншвейг-вольфенбюттельской принцессой Шарлоттой-Кристиной-Софией, происходившей из древней династии Вельфов, породнил Романовых с правителем Священной Римской империи Карлом VI, ставшим сыну Петра I свояком.

Однако изменение матримониальной политики произошло не сразу. В первой половине XVIII в. браки Романовых со своими подданными признавались допустимыми, хотя сведения о них переместились в область государственных тайн. В 1711 г. Петр I негласно обвенчался с Екатериной (Мартой Самуиловной Скавронской) и только позже решился на публичное бракосочетание. В 1723 г. царица Прасковья Иоанновна вступила в тайный брак с генерал-майором И.И. Дмитриевым-Мамоновым Старшим. Императрица Елизавета Петровна заключила секретный супружеский союз с графом А.Г. Разумовским. Известно также о желании Петра III жениться на Е.Р. Воронцовой¹⁰.

Стремление А.Д. Меншикова связать супружеством Петра II со своей дочерью Марией, а затем князей Долгоруких добиться того же для княжны Екатерины Алексеевны Долгоруковой тоже находилась в контексте представлений о возможности брака между монархом и его подданной и являлась логическим завершением усиления их политического влияния при юном, несамостоятельном правителе. В общем, подобные попытки были обусловлены, желанием аристократии сохранить возможность воздействия на высшую власть через генеалогические связи.

Несмотря на новую модель матримониальной политики в династии Романовых, «Учреждение об императорской фамилии» 1797 г. формально не запретило браки с лицами не владетельного происхождения¹¹. Это привело к довольно многочисленным морганатическим (неравнородным) союзам, заключенные в XIX – начале XX в. Самым показательным из них является поступок наследника престола Константина Павловича, который предпочел брак с графиней Иоанной Грудзинской императорскому титулу. Круг возможных супружеских союзов был строго ограничен владетельными родами в только 1889 г.¹². В том же году Александр III предписал лицам из императорской семьи вступать в браки только с православными, что являлось отражением определенной политической стратегии, проводившейся этим монархом. Родственники Петра I и обеих его жен пользовались особым положением при дворе в XVIII – XIX вв. Для повышения статуса «низкородных» членов семьи Екатерины I им жаловались титулы, что означало автоматическое причисление к знати. Графами стали Ефимовские, Гендриковы и Скавронские – потомки братьев и сестер императрицы. Возможно, были и другие случаи получения титула, обусловленные генеалогически. Первым графом Российской империи стал в феврале 1710 г. государственный канцлер Г.И. Головкин¹³. Нельзя исключить того, что данный выбор определялся родственными связями, поскольку по женской линии он доводился Петру I четвероюродным братом.

Существует предание, будто Нарышкины отказались от графского и княжеского титулов, что объяснялось, по замечанию историка Е.П. Карновича, «исключительностью их положения в царствование Петра I, Петра II и Елизаветы Петровны, когда они, по близкому родству с Петром I, считались как бы членами царского дома и во всех

¹⁰ Долгоруков П.В. Петербургские очерки; Памфлеты эмигранта, 1860 – 1867. М., 1992. С. 217.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 24. СПб., 1830. С. 525 – 569.

¹² Там же. Собр. 3-е. Т. 9. СПб., 1891. С. 113.

¹³ Хоруженко О.И. Дворянские дипломы XVIII в. в России. М., 1999. С. 25. Распространенное мнение, что первым русским графом являлся Б.П. Шереметев, ошибочно.

торжественных случаях занимали первенствующее место среди всех вельмож и царедворцев, несмотря даже иной раз на их невысокую чиновность»¹⁴. До 1917 г. сохраняли видное положение при дворе и в сфере государственного управления Лопухины.

В XVII – XVIII вв. род Романовых был крайне малочисленным. Только благодаря обширному потомству Павла I численность семьи стала расти и со временем достигла нескольких десятков человек. Занимая высшие государственные посты, в XIX в. великие князья фактически представляли собой политически активную группу, влияние которой достигло максимума в момент политического кризиса середины 1910-х гг., когда члены императорской семьи составили оппозицию правящему монарху¹⁵.

В XIX – начале XX вв. генеалогическая информация широко использовалась для политической дискредитации правителей России. С точки зрения науки род Романовых пресекся по мужской линии со смертью Петра II в 1730 г., а по женской и окончательно – в 1761 г. с кончиной Елизаветы Петровны. Последующие российские императоры восходили к нему только по женской линии и составляли так называемую голштейн-готторпскую ветвь династии. В зарубежных справочниках, в частности в авторитетном «Готском альманахе», содержалось именно такое толкование. В XIX в. оно вызывало крайнее недовольство Романовых, и ввоз этого сугубо научного издания в Россию был запрещен. Условная принадлежность династии к роду Романовых, ее фактическое немецкое происхождение особенно часто подчеркивались после Февральской революции, когда такие сведения стали как бы оправданием отстранения императорской семьи от власти в условиях войны с Германией.

Как и в других странах Европы, в России генеалогический фактор оказывал большое влияние на расстановку политических сил. Это воздействие реализовывалось через матримониальную модель и через формирование придворных группировок, консолидированных благодаря родственным связям. Оба эти фактора были тесно интегрированы, поскольку степень влияния конкретного лица или группы лиц на государственное управление часто являлась следствием родственного отношения к монарху. Механизм влияния не был постоянным и изменялся со временем. Если в XVII в. решающее значение имел факт брака с правителем и заключение каждого из них сопровождалось политической борьбой, то в первой половине XVIII в. в контексте общей модификации генеалогической культуры русского общества произошла смена матримониальной модели по европейскому образцу. В новой традиции роль генеалогического субстрата сместилась из внутривластной области в международную сферу.

Одновременно, из-за притока в аристократию новых родов изменилась степень влияния генеалогии на формирование политических группировок. Они, с одной стороны, стали более открытыми, а с другой – оказались практически лишены возможности опереться на семейные отношения с династией. В дальнейшем существенно изменилось само понятие политической группировки, для генезиса которой уже не требовалось родственного субстрата.

¹⁴ Карнович Е.П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. М., 1991. С. 210.

¹⁵ См.: Петрова Е.Е. Ноябрьский шторм власти 1916 г. и «великокняжеская оппозиция» // Императорская фамилия в истории России. СПб., 1999; Она же. Великокняжеская оппозиция в России, 1915 – 1917 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001.

Изучение семейных отношений Романовых в широком политическом контексте позволяет более полно и достоверно раскрыть историю государственности России, продемонстрировать ее тесную связь с духовной культурой, неотъемлемой и консолидирующей частью которой всегда являлась генеалогическая традиция.

Опубликовано:

Сборник №2. Роль женщин в истории династии Романовых: Исследования и материалы.
– СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. – С.30-41.